кому, он считал письмо к Михаилу Храповицкому своим завещанием; в нем он излагает, как сам говорит, «свои своеобразные идеи». Заметно, что он осмыслил письмо как литературный текст, при этом рассчитывая, может быть, на широкую публику. Немудрено, что некоторые отрывки в письме Сушкова напоминают отрывки в прощальном письме его литературного создания — «Российского Вертера».

После смерти Сушкова списки его прощального письма к Михаилу Храповицкому ходили по рукам. Среди его читателей были Екатерина II и Н. М. Карамзин. Еще в начале XIX в. письмо вместе с завещанием другого самоубийцы было включено в рукописный литературный сборник. [23] Мы можем считать это письмо своеобразным образцом рукописной литературы конца XVIII в.: [24]

«Милостивый Государь Дядюшка Михайло Васильевич.

Могли ли вы ожидать такова известия, вы, которой видели меня за несколько недель; мне наскучила жизнь, и прежде, нежели дойдет к вам сие письмо, я уже не в силах буду писать другое. Однако ето все для вас загадка, и так вот пояснее. — Состояние мое давно меня тяготило, но тяготило так, как философа. Я видел мои недостатки [25] и невозможность батюшкину [26] мне помочь; словом сказать, я видел, что не могу жить в свете, где предразсудки велели бы меня презирать, и где бедность весится наравне с злодейством. — Конечно, надлежало бы мне презреть мысли таких людей, но простите пылкости моих лет, которые дозволяли мне разпознавать мечту нами водящую, но понуждали, однако ж, бродить зажмурившись с другими. — Долго я строил замки на воздухе; то полагался на выгодную женитьбу, то надеялся на личныя приятности, то ожидал произойти способностью ума; однако ж все ето еще далеко, не говоря что, может быть, и никогда бы не было; но сколько ж бы жолчи я выпил

---

[23] ОР РГБ, ф. 179, ед. хр. 2805, л. 109—111. Завещание другого самоубийцы, И. М. Опочинина: л. 111 об.—112 об. Об этом завещании см.: *Трефолев Л. Н.* Предсмертное завещание русского атеиста // Исторический вестник. 1883. Янв. С. 224—226.

[24] В московских архивах сохраняются не менее 5 списков этого письма, которые, несмотря на небольшое различие в правописании, все одинаковы: РГАДА, ф. 16, ед. хр. 582, л. 134—136 об.; ЦИАМ, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 404, л. 9—11; ОР РГБ, ф. 323, к. 1353, ед. хр. 21, л. 1—4; ф. 297, к. 4, ед. хр. 6, л. 12 об.—15; ф. 178, ед. хр. 2805, л. 109—111 (Рукописный сборник). Здесь текст приводится по копии РГАДА. Некоторые списки были уже известны исследователям. Еще в 70-х гг. XIX в. Н. П. Дуров, сотрудник журнала «Русская старина», ознакомившись с копией в рукописном сборнике, подготовил статью о нем. Впрочем, Дуров более интересовался также включенным в сборник завещанием Опочинина. Статья никогда не печаталась (рукопись: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3757). Письмо Сушкова цитируется в кн.: *Коган Л. А.* Крепостные вольнодумцы. М., 1966. С. 177; *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо как явление литературы: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 99, 102—103, а также упоминается в сносках в кн.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 56.

[25] Т. е. денежные недостатки.

[26] Василий Михайлович Сушков (1746—1819); при Павле I симбирский губернатор.